

Оставим пока размышляющего над своими проблемами Ху Ли и перенесемся в другое место. Выше, еще выше... Да, всё верно, направим взор прямо на опочивальню Тай-шан Лао-цзюня и станем следить за каждым его шагом.

Один день на небесах равен году на земле.

К тому моменту, когда между Ху Ли и Юэ Чэном только начали зарождаться некие чувства, небесный Тай-шан Лао-цзюнь наконец-то выбрался из своей теплой постели.

Этот старик был типичным трудоголиком. Каждое утро, едва покончив с завтраком, он врывался в спальню Ху Ли, вытаскивал его оттуда и принимался за алхимию.

Как-то раз у него взяли интервью, поинтересовавшись, не надоела ли ему такая жизнь. Лао-цзюнь повернул к камере свое иссеченное морщинами времени лицо и выдал фразу, которая впоследствии вошла в хит-парад самых искренних высказываний Небесного Двора: Время летит незаметно, годы мчатся стрелой. Мои чувства к Небесному Двору невозможно выразить словами. Я считаю эту работу частью собственной жизни, и без нее я даже не представляю, что со мной было бы.

Ходят слухи, что Нефритовый Император, услышав эти слова, до того растрогался, что лично пожаловал Тай-шан Лао-цзюню десять миллионов золотых и бесчисленное множество дивных деревьев и бессмертных трав.

По воспоминаниям Ху Ли, когда Тай-шан Лао-цзюнь в тот день вернулся домой, половина этих сокровищ перекочевала в карман Ху Ли под угрозой бессрочной забастовки.

Из этого легко понять, сколь важную роль Ху Ли играл в жизни Тай-шан Лао-цзюня.

Поэтому, когда Лао-цзюнь зычным, совсем не старческим голосом завопил: Ху Ли, Ху Ли, вставай скорее~~~ Время варить пилюли! — и велел двум сопровождавшим его мальчикам отворить двери в покои Ху Ли...

Он замер перед пустой комнатой. Надолго... Очень надолго... Бесконечно долго... А затем раздался оглушительный, пронзительный визг!

Это был поистине грандиозный, потрясающий воображение вопль.

Нефритовый Император, попивавший утренний чай, от неожиданности выплеснул струйку чая далеко вперед.

А во Дворце Гуанхань фея Чанъэ как раз живописала подругам подробности отношений между мужчинами в стиле хардкор. Услышав этот крик, она тут же обрела наглядное пособие: Обычно именно так кричат, когда кого-то насилуют. Все бессмертные девы глубоко

задумались.

Вернемся же к источнику вопля — Тай-шан Лао-цзюню.

Два мальчика-даньтуна, привычно ковыряясь в ушах, отступили в сторону, ожидая, что же предпримет их дедушка Лао-цзюнь.

Как такое возможно? Ну как?!

Лао-цзюнь находил происходящее совершенно невероятным. За тысячелетия он успел досконально изучить характер Ху Ли: тот никогда не давал пустых обещаний и не сбегал в последний момент. Неужели он просто где-то спрятался?

Старик принялся шарить по крошечной комнатке Ху Ли, заглянув даже в его платяной шкаф.

Однако после долгих поисков он обнаружил лишь пару побрякушек, которые Ху Ли ранее выманил у него обманом, да несколько выпавших рыжих волосков.

Неужели он и правда решил со мной в прятки поиграть... — Лао-цзюнь обессиленно прислонился к столу. — О небеса! И как мне теперь пилюли варить?

Дедушка Лао-цзюнь, можешь сходить к Бодхисаттве Гуаньинь, пусть он глянет, — с равнодушным видом опираясь на стену, лениво посоветовал Дан Синь.

И не подумай! — Тай-шан Лао-цзюнь подпрыгнул, словно кот, которому наступили на хвост. — Ни за что не пойду!

Дан Синь приподнял брови и, повиснув на плече у Даньтуна, принялся ехидно ухмыляться, глядя на Лао-цзюня.

От этой улыбки у Лао-цзюня по спине побежали мурашки, и он взревел: Прекрати скалиться! Будешь смеяться — брошу в котел и переплавлю!

Дан Синь лишь показал язык и беспечно бросил: Ничего подобного~ Если ты сейчас же не отправишься к Бодхисаттве Гуаньинь, то когда он сам заявится к тебе, добром это не кончится.

Даньтун молча кивнул в знак согласия.

Лао-цзюнь чувствовал, что его авторитет неуклонно катится по наклонной. С него стало бы и одного Ху Ли, чтобы свести старика в могилу, так еще и эта парочка сорванцов! Хм!

Заметив, что дедушка Лао-цзюнь начинает всерьез сердиться, добросердечный Даньтун мягко произнес: Дедушка, ты же сам знаешь: Ху Ли не тот человек, который бросает слова на ветер. Его исчезновение наверняка неспроста. Почему бы тебе не слетать в Южное Море к Бодхисаттве Гуаньинь и не одолжить у него Зерцало, Пронизывающее Небеса? Чего ты упрямишься?

Лицо Лао-цзюня покраснело от досады, а белые брови сошлись на переносице в один густой узел.

Дедушка, неужели ты... — Даньтун замялся. — Смущаешься?

Камнем с плеч! — Тай-шан Лао-цзюня прорвало. В ярости схватив Даньтуна и Дан Синя за шивороты, он призвал Бессмертного журавля и помчался напрямик в Лес Пурпурного Бамбука в Южном Море. И он даже не подозревал, что Бодхисаттва Гуаньинь, усевшись перед Зерцалом, Пронизывающим Небеса, с интересом наблюдал за этой комичной сценкой и уже давным-давно катался по полу от смеха.

Ха-ха-ха-ха! Сяо Лун-ню, глянь на этого старика! Ха-ха-ха-ха! Уморишь меня!

Сяо Лун-ню слегка прикусила губу, глядя на сидевшего перед ней невероятно прекрасного мужчину, и тихонько предостерегла: Бодхисаттва, поберегите здоровье, так и надсадиться недолго.

Ой~ Сяо Лун-ню, неужели ты переживаешь за меня? Как приятно~ — Гуаньинь одарил ее кокетливым взглядом.

Сяо Лун-ню невольно передернула плечами.

Да, вы всё верно поняли. Мужчина с высоко собранными длинными волосами и в соблалнительных пурпурно-алых легких одеждах — это и есть Бодхисаттва Гуаньинь.

Он небрежно откинул прядь темных волос и с обворожительной улыбкой воззрился на троих путников и журавля в зеркале.

Сяо Лун-ню снова передернуло. О Лао-цзюнь, Лао-цзюнь, спасай себя сам теперь.

Путь от Небесного Двора до Южного Моря не близкий. Даньтун и Дан Синь, хоть и прожили уже тысячу лет, оставались детьми по природе, а потому, стоило им оказаться среди клубящегося кругом тумана, как они быстро сморились и заснули.

Лао-цзюнь огляделся по сторонам, с минуту поглазел на посапывающих малышей, а затем, словно приняв какое-то тяжелое решение, закрыл глаза и зашептал заклинание.

В тот же миг вокруг него взметнулись клубы сизого дыма, полностью окутав Тай-шан Лао-цзюня. Когда дым рассеялся, на месте сгорбленного старика с седыми волосами, бровями и бородой не осталось и следа. Вместо него на журавле стоял юноша исключительной красоты в роскошных одеждах и с распущенными длинными волосами.

Наложив на птицу заклинание замедления, юноша легко подпрыгнул, взмахнул широкими рукавами и направился в сторону Южного Моря.

А те самые мальчики-даньтуны, что якобы спали, тут же распахнули глаза и, переглянувшись, синхронно ухмыльнулись.

И как это я позабыл... — сокрушенно покачал головой Даньтун, но на лице его сияла улыбка.

Ха-ха, а я-то всё прекрасно помнил! — громко рассмеялся Дан Синь.

Неудивительно, что Лао-цзюнь так не хотел идти к Бодхисаттве...

Потому что ему пришлось бы принимать свой истинный облик~~~

Кто же виноват, что Бодхисаттва так равнодушен к красавчикам.

Мальчики снова переглянулись и на этот раз расхохотались в голос.

Ха-ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Оказывается, Гуаньинь крайне раздражало, когда Тай-шан Лао-цзюнь являлся к нему в облике старика, поэтому он установил жесткое правило: желаешь ступить в Лес Пурпурного Бамбука — изволь сбросить личину и принять истинный вид.

Именно поэтому Лао-цзюнь каждый раз отправлялся туда исключительно по неволе, долго топтался на месте и отчаянно боялся быть замеченным. Он наивно полагал, будто никто не догадывается, что ради визитов в Лес Пурпурного Бамбука ему приходится молодеть. Но это было лишь его заблуждением — эта забавная особенность уже давно стала притчей во языцех по всему Небесному Двору.

В конце концов, кто во владениях бессмертных не знал о слабости Гуаньиня к красавцам?

<http://bllate.org/book/24708/2912194>